

Чжоу Цзин улыбнулась. Она стояла в небольшом саду за пределами больницы, купаясь в солнечном свете. Когда она смеялась, её зубы сверкали: "Я никогда не лгу." Как только она подошла, она увидела этого мужчину, чьи глаза блестели, словно жизнь вспыхивала в его бровях, что явно было знаком приближающейся кончины. Если бы не её недавнее пробуждение, и её силы не были бы полностью восстановлены, она могла бы увидеть более конкретно. Например, как он умрет? Этот мужчина был очень красив. Даже с критическим взглядом Чжоу Цзин, она никогда не видела, чтобы он выглядел так хорошо. С его прекрасными чертами лица, с первого взгляда казалось, что всё лишнее, и слова похвалы не могут описать его удивительную красоту. У него был мягкий характер, словно лучший нефрит, излучающий самое прекрасное сияние. Это было как белая снег, который мог заморозить каждый взгляд, брошенный на него, и не мог сдвинуть его глаза снова. Никто не хотел говорить с ним резкие слова или задавать вопросы. Это был Сун Янцин, единственный старший внук семьи Сун. "Собачий!" Высокий охранник рядом с Сун Янцином уже не мог сдерживать зудящее желание и направился к Чжоу Цзин: "Не думай, что мы не бьем женщин!" Если вы осмелитесь обидеть молодого господина, женщины мы тоже бьем!" Забудьте." Одинокое слово упало в уши людей, словно они не осознали чистоту, витающую и исчезающую в мгновение, добавляя ещё больше высокомерия. Они поднялись и ушли. Высокий охранник взглянул на Чжоу Цзин, казалось, неудобно, и бросил на неё взгляд через солнечные очки. Если вы хотите приблизиться к молодому господину, вы не знаете, как найти хорошее оправдание, вы должны найти такое ненавистное оправдание. Я не боюсь быть убитым. Чжоу Цзин наблюдала, как они уходят, не останавливаясь, только покачала головой и вздохнула: "Если вы не слушаете старого человека, вы пострадаете." "Чжоу Цзин!" Медсестра торопливо сказала: "Что ты здесь делаешь? Госпожа Му ищет тебя." Чжоу Цзин спокойно скорректировала одежду и ушла с медсестрой. Эта больница была не обычной высококлассной больницей, она была специально построена семьей Сун для Сун Янцина. Но Сун Янцин не часто приходил, за исключением осмотров. Если бы не особое физическое состояние Чжоу Цзин, она не имела бы права приходить сюда. Когда я подошла к двери своей палаты, красивая дама в роскошном шелковом платье уже сидела внутри. Она обладала грацией в каждом движении, не говоря уже о потрясающей красоте, но была такая красота, которая вызывала жалость, даже если были видны следы времени, это было непреодолимо. "Чжоу Цзин, где ты была?" Цяо Фэй увидел, как она вернулась, и тут же встал, его глаза были обеспокоены: "Ты нездорова, почему ты бегаешь?" После этого он взглянул на запястье Чжоу Цзин. Её запястье было обернуто бинтами, и Чжоу пыталась покончить с собой, порезав запястье в ванной вчера вечером. Если бы она не оставила свои последние слова Цяо Фэю, у которого было плохое предчувствие, и он быстро уведомил людей, чтобы они помчались к ней. В противном случае было бы поздно, Чжоу уже была бы мертва. Она была здесь вчера вечером и услышала, что Чжоу Цзин проснулась и поспешила сюда снова сегодня утром, кто бы знал, что Чжоу Цзин все еще бегает. Думать об этом, Цяо Фэй не мог не покраснеть: "Я не винил тебя за эти вещи, почему ты так не можешь думать? Есть что-то, о чем ты не можешь поговорить, что ты должна покончить с собой?" Чжоу Цзин взглянула на Цяо Фэй и вдруг серьезно сказала: "Что ты собираешься винить во мне? Это из-за того, что меня вкололи наркотиками? Ты думаешь, это моя вина?" Лицо Цяо Фэя вдруг застыло.